

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

На правах рукописи

ШУМИЛО
Светлана Михайловна

**Влияние богослужебной гимнографии
на древнерусскую орнаментальную прозу XI – XV вв.
(общность поэтики и мировосприятия)**

Специальность 10.01.01 — русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Санкт-Петербург
2022

Работа выполнена в Отделе древнерусской литературы ФГБУН Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Официальные оппоненты:

Афанасьева Татьяна Игоревна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Грицевская Ирина Михайловна, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской филологии ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина»

Крутова Марина Семеновна, доктор филологических наук, профессор, главный палеограф Отдела рукописей ФГБУ «Российская государственная библиотека»

Ведущая организация:

ФГАУО ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»

Защита состоится 19 сентября 2022 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 002.208.01 при Институте русской литературы (Пушкинском Доме) РАН по адресу: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на официальном сайте Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

Г.В. Петрова

Общая характеристика работы

Изучение поэтики древнерусской литературы и, в частности, орнаментальной прозы и литературы стиля «плетение словес» неоднократно приводило исследователей к необходимости установления литературных источников произведений. Творцы «украшенного» стиля часто прибегали к цитированию тех или иных текстов, заимствованиям из них, разного рода реминисценциям и аллюзиям. Эти писатели были создателями таких произведений, которые требовали немалой интеллектуальной подготовки реципиента: он должен был быть начитан в христианской литературе, хорошо знаком со Священным писанием и преданием, основным корпусом проповедей и житий.

Медиевисты много внимания уделяют заимствованиям из Библии и, особенно, Псалтири, которыми изобилует орнаментальная проза, но такой важный литературный источник, как богослужебные тексты, к сожалению, до сего дня практически не становился предметом специального рассмотрения. Тем не менее, средневековый писатель, человек глубоко воцерковленный и регулярно посещающий богослужение, именно литургические тексты постоянно удерживает в голове, а богослужебный устав имеет в качестве календаря, по которому движется его аскетическая жизнь. Жития и проповеди в «украшенном» стиле создавались монахами, чья жизнь практически полностью была подчинена ритму богослужебного устава. Посты и праздники, времена года и наиболее важные события жизни, такие, как рождение или похороны близкого, в сознании средневекового писателя сопряжены с определенными богослужебными чинопоследованиями. Так, зимний период обязательно ассоциируется с богослужениями рождественского поста, самого Рождества, а затем – Крещения; весенний период – с чинопоследованиями Великого поста, Пасхи и послепасхальных праздников; похороны человека ассоциативно связываются с погребальными песнопениями, а те, в свою очередь, – со страстными и т.д. Таким образом, гимнография является собранием тех текстов, которые сопровождали все важнейшие переживания средневекового автора и закреплялись в памяти особенно крепко благодаря их повторяемости, музыкальной и хронологической приуроченности. В то же время литургические произведения не были столь авторитетны, как тексты Библии, что позволяло автору, цитируя их, достаточно вольно обращаться с текстами. Писатели изменяли их, могли усекать цитату или, напротив, расширять при помощи амплификации или драматизации, соединять вместе несколько отрывков, вкладывать в цитируемое новый смысл. Все это сделало гимнографию исключительно удобным материалом для использования ее в качестве литературного источника. Именно из богослужения чаще всего авторы черпают образы,

метафоры, эпитеты, синтаксические конструкции, а потому изучения гимнографии как литературного источника проповедей и житий «украшенного» стиля является исключительно **актуальным** для научного осмысления поэтики древнерусской литературы.

Исследования о цитировании Псалтири в древнерусской литературе и о том, как это отразилось на оригинальных текстах,¹ можно считать началом изучения богослужебного влияния на средневековые произведения, поскольку Псалтирь очень широко используется в церковных чинопоследованиях. То же можно сказать и о других библейских текстах, которые очень часто являются источником для гимнографии: Священное писание включено в богослужение и в виде отдельных больших периодов, например, Ветхий завет – в паремиях, а Новый завет – в евангельских и апостольских чтениях на утрене и литургии, так и в качестве небольших цитат: в стихирах и канонах нередко используют то или иное библейское выражение, библейскую тропику и т.д. В связи с этим изучение библейских цитат в древнерусских проповедях и житиях, несомненно, является очень важной и актуальной проблемой. Но еще более актуальным, на наш взгляд, должно стать рассмотрение и изучение того факта, что влияние Библии нередко является опосредованным: средневековый человек обычно слышит Библию и знает ее через посредство богослужения, именно оно придает особое звучание библейским текстам, кладет их на музыку (речитативное пение), делает повторяющимися и легко узнаваемыми.

Думается, богослужебные тексты как наиболее часто слышимые и хорошо запоминающиеся, стали самым простым и очевидным примером для наследования литературных средств и писательской манеры, прежде всего, для проповедников Древней Руси, а затем и для агиографов. Средневековый книжник не мог не замечать, как легко богослужение усваивает библейскую поэтику, и потому считал за необходимость подражать этому наследованию и также вписывать в свои произведения те или иные библейские заимствования.

Не мог средневековый проповедник не обращать внимания и на очевидные повторы, общие места в богослужении и ранней проповеди, например, в текстах трех великих святителей. Замечая их, он также подражал авторитетным проповедникам и заимствовал из гимнографии. Многие такие подражания и заимствования из

¹ См., напр., анализ стилистической симметрии в средневековой литературе, предложенный Д. С. Лихачевым. Исследователь рассматривает это явление исключительно с точки зрения влияния Псалтири с ее двойными симметричными синтагмами: *Лихачев Д. С. Стилистическая симметрия // Он же. Поэтика древнерусской литературы. СПб: Алетейя, 2011. С. 154–160.*

раннесредневековой проповеди также уже рассматривались в медиевистике.² Но, как и в случае с библейскими заимствованиями, исследователи, изучая влияние святоотеческих проповедей на древние славянские литературы, нередко не учитывают тот текст или, вернее, феномен, который был для автора посредником между проповедью и его сочинением: текст богослужения или просто богослужебный календарь. Так, заимствуя из проповедей ранних церковных ораторов, средневековый книжник не обращался к любому понравившемуся ему источнику, а следовал богослужебным указаниям о положенном на этот день чтении и заимствовал из уставного текста. Этот факт указывает на исключительную актуальность исследования о влиянии гимнографии на древнерусскую эпидейктику и агиографию, которое было особенно заметным в произведениях стиля «плетение словес».

Впервые влияние богослужения на древнерусское житийное произведение было отмечено М. Ф. Антоновой, которая описала заимствования из триодных песнопений в произведениях Кирилла Туровского и Епифания Премудрого.³ Исследователь отмечает общность литературного источника и делает вывод о преемственности Епифания по отношению к Кириллу Туровскому. К сожалению, намеченное еще в 1981 г. М. Ф. Антоновой направление по изучению гимнографии как литературного источника и заимствований из гимнографии как поэтического средства не имело продолжения. Эта статья является работой по источниковедению и особенностям литературной преемственности, гимнографическое заимствование не рассмотрено как особенность поэтики, как литературный прием. Вывод о преемственности Епифания верен, но этот факт нуждается в более широком рассмотрении: речь, на наш взгляд, должна идти не только о наследовании традиций какого-то одного писателя, но, во-первых, о принадлежности творчества обоих писателей к одному стилю, а во-вторых, о влиянии гимнографии на жития и проповеди, что, на наш взгляд, характерно для этого стиля. Эти выводы становятся очевидными только после рассмотрения большого корпуса текстов, которое не было предпринято сразу после проделанной М. Ф. Антоновой работы. Таким образом, важное и, безусловно, новаторское исследование этого медиевиста осталось практически единичным примером обращения медиевистики к богослужебным текстам в поисках литературных источников вплоть до последнего времени.

Компилятивный характер средневековых славянских литератур, теснейшая связь

² См. напр.: *Спасова М. А.* Источники за речта на Григорий Цамблак пред църковния събор в Констанц // *Сребърният век: нови открития.* София, 2016. С. 91–111.

³ *Антонова М. Ф.* Кирил Туровский и Епифаний Премудрый // *ТОДРЛ.* Л., 1981. Т. 36. С. 223–227.

древних произведений между собой, постоянные заимствования, редакции произведений, отсылки к другим текстам и обилие топосов часто побуждало медиевистов исследовать проблему литературных источников. Особенно примечательна работа К. К. Акентьева⁴ об источниках Слова о Законе и Благодати митрополита Илариона. Это исследование в какой-то мере является продолжением изучения богослужебных источников древнерусских произведений: автор выделяет большое количество гимнографических текстов – более десятка – и указывает на схожие фразы в произведении митрополита Илариона и церковных чинопоследованиях. Нам представляется особенно актуальным открытие таких источников, как песнопения на обновление храма, которые, как предполагает исследователь, митрополит Иларион использовал в своем произведении. Кроме того, К. К. Акентьев подчеркивает общие места со многими триодными песнопениями, евангельскими и апостольскими чтениями. Многие из них, однако, вызывают у нас сомнения по причине слишком малого совпадения тех или иных фраз, а также из-за большого количества текстов, которые исследователь указывает в качестве источников. На наш взгляд, такие множественные отсылки к гимнографии свидетельствуют не столько об использовании каких-то текстов в качестве источника, сколько об общности метафорики и вообще тропики древнерусских произведений и богослужебных текстов. Этот вывод, который напрашивается сам собой после прочтения работы К. К. Акентьева, очень важен для изучения поэтики древнерусской литературы: до сих пор медиевистика указывала на Библию и, в частности, на Псалтирь как на источник художественных приемов, а также на переводные жития, проповеди, поучительные и исторические произведения. Но очевидно, что главным источником большинства писательских методов и приемов нужно признать богослужение, поскольку ни один другой текст не повторялся так часто для средневекового человека, как богослужебный, не имел столь прочной закреплённости за музыкальным исполнением и при этом еще был приурочен к тому или иному календарному дню.

Помимо этих двух исследований – М. Ф. Антоновой и К. К. Акентьева – специального изучения богослужебного влияния на оригинальную древнерусскую литературу не предпринималось.

Объектом нашего исследования являются эпидейктические и агиографические произведения стиля «плетение словес». Выбор этого стиля в качестве объекта обусловлен

⁴ Акентьев К. К. «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона Киевского. Древнейшая версия по списку ГИМ Син. 591 // *Byzantinorossica*. СПб., 2005. Т. 3. С. 116–121.

простым эмпирическим наблюдением: именно в стиле «плетение словес», в «украшенных» проповедях и житиях, наиболее ярко отразилось влияние богослужебной литературы. На наш взгляд, само «плетение словес» генетически связано с богослужебной литературой и потому должно быть рассмотрено с точки зрения влияния гимнографии в первую очередь.

Предметом исследования является отражение богослужебных текстов в житиях и проповедях указанного стиля и влияние гимнографии на поэтику древнерусских произведений.

Цель исследования – изучить влияние богослужебных текстов на гомилетику и агиографию орнаментального стиля. Для достижения этой цели были поставлены такие **задачи**:

1. Охарактеризовать понятие «стиль» с точки зрения литературоведческой медиевистики, в частности, рассмотреть «украшенный» стиль как художественное явление: уяснить, какие художественные тропы характерны для этого стиля и какие произведения, таким образом, могут быть отнесены к нему.

2. Уточнить хронологические границы существования стиля «плетение словес» в славянских литературах и изучить его источники в литературе раннего средневековья.

3. Проанализировать факт использования «чужого слова» в средневековых произведениях в виде цитат, заимствований, аллюзий и реминисценций.

4. Проанализировать с точки зрения влияния зарождения «украшенного» стиля и исследуемого приема гимнографических заимствований произведения писателей Киевской Руси: Иларина Киевского, Нестора-летописца (Житие Бориса и Глеба) и других.

5. Проанализировать с точки зрения гимнографического влияния проповеди Кирилла Туровского.

6. Рассмотреть цитаты, реминисценции и аллюзии на гимнографию в произведениях южнославянских агиографов.

7. Проанализировать богослужебные влияния в житийных произведениях Епифания Премудрого;

8. Рассмотреть влияние богослужебных книг на проповеди и агиографию Григория Цамблака.

9. Сделать вывод об объеме гимнографического влияния на поэтику древнерусских житий и проповедей орнаментального стиля и, в связи с этим, об особенностях древнерусской поэтики, связанных с влиянием богослужебных произведений.

Методология диссертации обусловлена спецификой литературоведческого исследования по поэтике древнерусской литературы. В установлении литературных

источников автор следовал принципам изучения «чужого слова», заложенным М. Ю. Лотманом, М. М. Бахтиным, М. Гардзанити. В диссертации использовано слово «заимствование» в качестве литературоведческого термина – в этом мы опираемся на определение И. Н. Розанова, предложенное в «Словаре литературных терминов» в 1925 г.⁵ и отраженное с теми или иными незначительными добавлениями во всех позднейших литературоведческих словарях и энциклопедиях.

Мы оперируем термином «орнаментальная проза» в том его понимании, которое предложил Д. С. Лихачев,⁶ в качестве синонимов к нему используем термины «орнаментальный стиль» и «украшенный стиль», предложенные в ряде медиевистических работ. На наш взгляд, термин «плетение словес» нуждается в некотором уточнении, предпринятом в нашей работе.

При исследовании литературных приемов, используемых древнерусским автором, за образец были избраны труды С. С. Аверинцева и Д. С. Лихачева по поэтике средневековых литератур, а также исследования М. Ф. Антоновой, И. П. Еремина, Г. М. Прохорова, Т. Р. Руди, О. В. Панченко и многих других. При изучении творчества Кирилла Туровского мы отталкивались от работ Д. И. Чижевского, И. П. Еремина, Т. А. Алексеевой, О. В. Творогова, Л. В. Левшун, Г. Подскальски и др. При рассмотрении произведений Епифания Премудрого мы опирались на исследования Д. С. Лихачева, Г. М. Прохорова, О. Ф. Коноваловой, Б. М. Клосса, Т. Б. Карбасовой, А. В. Духаниной и др. При анализе творчества Григория Цамблака мы привлекали к изучению работы Н. Дончевой-Панайотовой, Д. Кенанова, Ю. В. Пелешенко, М. А. Спасовой, Ю. К. Бегунова. При рассмотрении произведений тырновской книжной школы определяющими для диссертации стали работы И. И. Калиганова, Д. Кенанова, Д. Польшваного. Анализ произведений сербо-афонских авторов стал возможен благодаря трудам В. А. Мошина, С. П. Розова и др. Проблемы церковного устава и истории

⁵ *Розанов И. Н.* Заимствование литературное // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. М., Л.: Изд-во Л. Д. Френкель. 1925. URL:

https://literary_terms.academic.ru/185/%D0%97%D0%B0%D0%B8%D0%BC%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B5. *Ср.: Заимствование литературное* // Большой Российский энциклопедический словарь. - Репр. изд. - Москва: Большая Российская энцикл., 2009. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/21460/%D0%B7%D0%B0%D0%B8%D0%BC%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5>

⁶ *Лихачев Д. С.* Орнаментальность // *Он же.* Поэтика древнерусской литературы... С. 248–266.

богослужения описаны с отсылкой к трудам М. Н. Скабаллановича, Н. К. Никольского, И. А. Карабинова, М. А. Йовчевой, Р. Ф. Тафта, А. Ю. Никифоровой, С. Темчинаса, Т. И. Афанасьевой, а также – к исследованиям по средневековой музыкальной культуре А. В. Кручининой, Н. В. Рамазановой и др.

Специфика предмета исследования обусловила принцип анализа проповеднических и житийных произведений: мы сосредоточивались на заимствованиях из богослужебных произведений как на поэтическом приеме, который призван заострить восприятие, акцентировать какие-то фрагменты и идеи, а также – вызвать у реципиента нужную ассоциацию. Мы не прибегали к поиску текста источника, поскольку всегда имели в виду цитирование гимнографии, производимое по памяти. Тем не менее, для сравнения текстов с богослужебными чинопоследованиями мы старались использовать современные авторам служебные сборники, насколько это позволяла делать их сохранность. Говоря о влиянии византийской гимнографии, мы не приводили для сравнения греческие тексты: заимствуя из службы по памяти, древнерусский автор вспоминал церковнославянский перевод. Лишь в исключительных случаях, когда это необходимо для уточнения какой-то лексемы, мы приводим греческий оригинал. Анализируя то или иное произведение, мы не делаем целостного его анализа, наше рассмотрение, прежде всего, сосредоточено на влиянии богослужебных текстов. Но в тех случаях, когда это влияние необыкновенно велико и значительно для какого-то текста, например, для проповеди Кирилла Туровского или Григория Цамблака, мы предлагаем герменевтический анализ целой проповеди, без которого в таких случаях невозможно полноценное описание заимствования как литературного приема.

Положения, выносимые на защиту:

1. Художественный стиль древнерусского книжника находился в прямой зависимости от его мировоззрения, которое формировалось и благодаря богослужебным текстам, поэтому многие стилистические моменты проповедей и житий могут объясняться не только эстетическим подражанием литургическим произведениям, но и общностью мировосприятия того или иного гимнографа и древнерусского книжника.

2. Одной из художественных черт орнаментальной прозы является заимствование из богослужебных текстов. Аллюзии и реминисценции на литургические произведения встречаются во всех произведениях, написанных в «украшенном» стиле, за редким исключением. Наличие исключений, например, некоторых проповедей Кирилла Туровского или житийных текстов Григория Цамблака, написанных без заимствований, указывает на то, что мы не можем назвать цитирование гимнографии обязательным признаком орнаментальной прозы, но можем утверждать, что в большинстве случаев ее

творцы прибегают к богослужебным текстам как к литературному источнику.

3. Стиль «плетение словес» охватывает проповеднические и житийные произведения позднего средневековья, но предусловия для его возникновения можно проследить в древнерусской литературе со времен Киевской Руси. Традиционно соотносимый с эпохой второго южнославянского влияния, «украшенный» стиль зародился намного раньше этого периода: его художественные признаки обнаруживаются в проповеднических произведениях митрополита Илариона и Кирилла Туровского, то есть в литературе Киевской Руси, и постепенно исчезают в произведениях Пахомия Логофета.

4. «Украшенный» стиль в древнерусской литературе развивается дискретно: во времена Киевской Руси он расцветает в проповеди, в эпоху татаро-монгольского нашествия он практически не встречается в произведениях, а в период позднего средневековья мы снова наблюдаем его в проповедях и в житиях. Однако в период ордынского нашествия «украшенный» стиль не исчезает полностью из славянских литератур: в это время в орнаментальном стиле пишут агиографы Сербии и Болгарии, в том числе, проживающие на Афоне. Второе южнославянское влияние в XIV в. способствует повторному расцвету орнаментальной прозы в древнерусской литературе.

5. Наиболее цитируемыми богослужебными книгами являются Ирмологий и Триодь, реже авторы апеллируют к Октоиху, Требнику, Часослову, Праздничной минее. Нечасто используются Служебные месячные минеи. Еще реже авторы обращаются к Паремийнику. Найдены единичные заимствования из Синаксаря и Служебника. Эти предпочтения обусловлены особенностями каждой книги и богослужебного устава: авторы цитируют те песнопения, которые звучат достаточно часто, чтобы хорошо запоминаться и быть узнаваемыми, но не так часто (как, например, Октоих или какие-то фразы из Служебника), чтобы стать привычными и не вызывать каких-то особенных ассоциаций, связанных с торжественными богослужениями.

6. Особенно важными для мировоззрения древнерусского книжника, создающего орнаментальную прозу, являются страстные песнопения. Среди триодных текстов выделяется несколько наиболее часто цитируемых страстных стихир, заимствования из которых или подражания которым можно найти едва ли не в каждом произведении «украшенного» стиля. Это свидетельствует о важности для средневекового человека темы сострадания и уподобления Христу, а также идеи преодоления смерти воскресением.

7. В творчестве Кирилла Туровского заимствования из богослужебных текстов являются одним из главных художественных приемов, причем, автор прибегает к разным видам заимствований: перемежает проповеди короткими цитатами из гимнографических текстов, выбирает какую-то отдельную стихир и развивает ее при помощи

амплификации, уподобляет композицию проповеди – композиции чинопоследования утрени. Иногда проповедь Кирилла Туровского является толкованием на богослужение, в таком случае автор последовательно цитирует отдельные, наиболее сложные, его фрагменты и поясняет их.

8. Приемы Кирилла Туровского были унаследованы Григорием Цамблаком: во многих его проповедях обнаруживается абсолютно идентичное использование богослужебных текстов: вставка коротких цитат, цитирование и расширение выбранной стихии, создание композиции проповеди, напоминающей композицию утрени.

9. Заимствование из богослужения как художественный прием редко встречается в агиографии Киевской Руси: лишь в житиях-убиениях (Бориса и Глеба, Михаила Тверского) авторы цитируют страстные песнопения, соотнося таким образом смерть страстотерпцев с муками и смертью Христа.

10. Агиографы Тырновской книжной школы создают произведения, стиль которых близок «плетению словес», но заметно отличается от стиля Епифания Премудрого. Тем не менее, болгарские авторы, хотя и редко, но прибегают к богослужебным заимствованиям, что свидетельствует о единой стилистической тенденции в поэтике славянских литератур.

11. Стиль сербо-афонской литературы очень похож на «плетение словес», которое известно исследователям древнерусской литературы по агиографии Епифания Премудрого. Используя практически все характерные для Епифаниевых житий художественные тропы, сербские авторы прибегают и к богослужебным заимствованиям. Особенно близки между собой похвальные слова Савве Сербскому (авторства Феодосия Хиландарского) и Сергию Радонежскому (авторства Епифания Премудрого), в которых обнаруживаются дословно совпадающие общие места. Это свидетельствует о преемственности между методами Епифания и сербо-афонской агиографической традицией.

12. Наивысшего расцвета орнаментальная проза, а вместе с ней и прием использования богослужебных заимствований, достигает в агиографии Епифания Премудрого, стиль которого традиционно называют «плетением словес». Автор сознательно использует богослужебные тексты в качестве литературных источников, создавая целые мозаики из литургических цитат и реминисценций, соотнося жития с календарным богослужебным кругом, учитывая те ассоциации, которые вызывают определенные песнопения у слушателей. Епифанию удастся достичь «просвечивания», «мерцания» литургического, молитвенного текста сквозь ткань жития, что, очевидно, является одной из его писательских задач.

13. В литературе после Епифания Премудрого и Григория Цамблака постепенно спадает интерес и к богослужебным заимствованиям, и к «украшенному» стилю: словесные украшения со временем становятся все более техничными и повторяющимися, аллюзии же на гимнографию сводятся, как правило, к небольшим страстным или пасхальным реминисценциям.

14. Результатом влияния богослужебных произведений на эпидейктику и агиографию является эффект «просвечивания» литургического текста сквозь ткань проповеди или жития. Он достигается при помощи различных художественных приемов, генетически связанных с гимнографией: композиционного уподобления чинопоследованию, использованию характерных для богослужения синтаксических конструкций, чаще всего – уподобленных акафистным; насыщению оригинального текста характерными для гимнографии тропами: повторами, антитезами, эпифорами и анафорами, игрой однокоренных слов; соблюдению принципа уподобления. Главным же приемом, свидетельствующим о значимости гимнографического влияния на произведения орнаментальной прозы, является богослужебное заимствование: цитаты, реминисценции и аллюзии на храмовую службу.

Апробация результатов исследования. Начало работы над темой было отмечено докладом на ежегодной международной филологической конференции в СПбГУ (март, 2012), впоследствии работа обсуждалась на заседаниях Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН (январь 2014 г., январь 2017 г.), в том числе и на выездной сессии (Чернигов, октябрь 2013). По материалам исследования были сделаны доклады на международных научных конференциях, таких как четвертые, пятые и шестые Лихачевские чтения (Санкт-Петербург, 2011, Ясная Поляна, 2016, Санкт-Петербург, 2021), ряд конференций «Афон и славянский мир» (Белград, 2013, София, 2014, Киев, 2015), «Цамблаковские чтения» (Велико Тырново, 2016), «Исихазм в истории и культуре Православного Востока» (Чернигов, 2012), «Русь и Афон: тысячелетие духовно-культурных связей» (Чернигов, 2014), а также на всероссийских и всеукраинских конференциях, таких как «Преподобный Сергей Радонежский: история и агиография, иконописный образ и монастырские традиции» (Москва, 2014), «Борис и Глеб в литературе Древней Руси» (Харьков, 2014), шести ежегодных конференциях «Актуальные проблемы современной украинской медиевистики» (Чернигов, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020) и ряде региональных и межвузовских конференций.

Структура диссертации: диссертационное исследование состоит из введения, пяти глав, заключения и списка использованной литературы.

Основное содержание работы

Во введении освящены проблемы и результаты изучения литературных источников древнерусских проповедей и житий и аргументирована необходимость исследовать литургическую гимнографию как один из основных источников для орнаментальной прозы, определена основная терминология, описан материал исследования, сформулированы цели и задачи работы, указана структура диссертации.

Глава I «**Орнаментальный стиль в истории древнерусской литературы**» посвящена рассмотрению и уточнению понятий «литературный стиль», «орнаментальный стиль», «орнаментальная проза», «плетение словес», «экспрессивно-эмоциональный стиль», а также анализу основных поэтикальных характеристик орнаментализма.

Стиль является одной из основных искусствоведческих категорий, потому что точное определение этого понятия крайне сложно. В первой главе рассмотрен ряд толкований этого термина искусствоведами, философами и литературоведами, в частности, Г. Нолем, А.Р. Григоряном, А.В. Чичериным, А.Ф. Лосевым, С.С. Аверинцевым, Д.С. Лихачевым и другими (**1.1. Орнаментальный стиль как художественное явление**), сделано уточнение о генетической связи литературного стиля, и, в частности, стиля эпохи, с мировоззрением автора и читательской аудитории, господствующего в определенный отрезок времени. Так, появление орнаментального стиля тесно связано с укоренением христианского мировосприятия в славянских странах и, отчасти, учения о непрестанной молитве и обожении – исихазма.

Основной художественной особенностью орнаментального стиля является использование повторов, рассмотренное в диссертации на примере нескольких богослужебных гимнов из Октоиха и Триоди и нескольких агиографических произведениях Епифания Премудрого, митрополита Фотия, митрополита Киприана, Григория Цамблака (**1.2. Художественный повтор в богослужебных текстах, проповеди и агиографии**). Проанализированы корневой, деривационный, синтаксический повторы, а также повторы тропов, продемонстрирована непосредственная связь художественных повторов в произведениях древнерусских авторов с аналогичным тропом в гимнографии. Обилие разнообразных повторов, вариантов, параллелей является тем художественным приемом, который во многом определяет писательский метод агиографа и обуславливает особенности стиля «плетение словес».

Одной из отличительных черт орнаментального стиля является использование стилистической фигуры антитезы, которая рассмотрена на примере богослужебных и

агиографических текстов (**1.3. Стилистическая фигура антитезы в литургических и житийных произведениях**). Анализ этого тропа тесно связан с рассмотрением философской картины мира средневекового автора и читателя, для которых антитеза, сочетание несочетаемого, парадокс – это синонимы чуда, всемогущества Божия и преодоления телесного, физического мира. Гимнографы и агиографы намеренно вводят в произведения множество антиномий, усиливая их повторами, аллитерациями и ассонансами, чтобы подчеркнуть значительность этого преодоления. Парадокс в средневековье призван описывать то, что касается вершин человеческого духа.

Самым показательным тропом для стиля «плетение словес» является амплификация, рассмотренная в работе на примере многих богослужебных гимнов, в частности, акафистов, а также житий святых и проповедей, написанных древнерусскими авторами (**1.4. Амплификация в литургической гимнографии и в орнаментальной прозе: к вопросу о гимнографических источниках**). Литературным источником амплификации для средневековых авторов несомненно является гимнография, в частности, жанры акафиста и канона, в которых этот троп играет жанрообразующую роль и определяет их художественный хронотоп.

Проповедники и агиографы, пишущие в орнаментальном стиле, прибегают к свойственной гимнографии метафорике, ритмике, синтаксической конструкции, нумерологии, обращаясь к такому важному для витийственного стиля художественному тропу, как амплификация. В этом агиографы отчасти следуют древним традициям ораторского искусства, отчасти же, и в первую очередь, – традициям христианской гимнографии, что позволяет весь корпус средневековой христианской литературы представить как часть единого большого текста, где каждое событие необходимо должно быть отражено в нескольких видах искусства: гимнографическом, агиографическом, иконографическом, проповедническом.

Не только стилистические фигуры определяют собой особенности орнаментальной прозы. Исследователи неоднократно указывали и на некоторые содержательные моменты как определяющие для этого стиля. Так, вслед за Д. С. Лихачевым, следует указать на особенную эмоциональность тех произведений, которые мы исследуем. Одной из особенностей литературы «плетения словес» ученый называет «абстрагирующую тенденцию, сочетающуюся с до экзальтации повышенной эмоциональностью, экспрессией» (**1.5. Эмоциональность и экспрессивность стиля «плетением словес»**). В работе рассмотрены и проанализированы такие признаки эмоционально-экспрессивного стиля позднесредневековых произведений, как «радостотворный плач», Экспрессивно-эмоциональный стиль произведений второго южнославянского влияния часто похож на

стиль гимнографических произведений, в нем много молитвенных интонаций, выраженных различными способами. Обилие молитвенных интонаций можно назвать еще одной характерной чертой исследуемого стиля.

Орнаментальная проза имеет генетическую связь с гимнографией, поскольку произведения эти во многом схожи с молитвенными текстами: они лиричны, в них наблюдаются конструкции, свойственные тем или иным гимнографическим жанрам, ритмизация речи, глагольные рифмы, единоначатия и т.д. Связь с молитвой, в том числе с учением о непрестанной молитве, создание молитвенного ритма и настроения может отображаться в литературе различными способами: при помощи использования художественных тропов, которые характерны для гимнографии, прямых заимствований из богослужебных текстов, реминисценций и аллюзий на литургические произведения и т.п. Перечисленные писательские приемы являются характерными и определяющими для литературы стиля «плетение словес».

Во второй главе **Истоки стиля «плетение словес»** представлено диахроническое исследование литературных произведений христианского востока, содержащих элементы «украшенного» стиля. Рассмотрены также некоторые произведения античной и ветхозаветной литературы с точки зрения использования амплификации (**2.1. Истоки стиля «плетение словес» в дохристианской литературе**), причем, особенное внимание уделено перечислению наименований как одно из главных черт будущего «плетения словес».

В раннехристианской литературе нанизывание имен стало очень распространенным художественным средством. В работе рассмотрено постепенное изменение внутреннего содержания этого тропа: от толкования через именованья (у Дионисия Ареопагита, Иоанна Златоуста, Иоанна Синайского) до собственно тропа, украшающего повествование (у Симеона Нового Богослова) (**2.2. Признаки стиля «плетение словес» в литературе Православного Востока**).

Предыстория орнаментального стиля представляется в таком виде:

Во-первых, он возникает в произведениях, отражающих очень разное мировосприятие. Его литературными источниками являются тексты, никак мировоззренчески не связанные между собой: античные риторы, Филон Александрийский, раннехристианские ораторы и авторы аскетической литературы.

Во-вторых, украшенный стиль переносится из жанра в жанр:

- Так, он возникает в античном панегирике, как пишет Ю. А. Алиссандротос, и в античной басне (Филон Александрийский).

- Затем, благодаря классической образованности выдающихся проповедников христианства, отдельные элементы этого стиля проникают в IV–V вв. в богословские сочинения (Дионисий Ареопагит) и в ораторскую прозу (три святителя, Ефрем Сирий).

- В VI в. витийственный стиль актуализируется в «Лествице» Иоанна Лествичника, причем, произведения Иоанна Лествичника, по-видимому, отражают переходный этап от античного понимания имени как определения к исихастскому представлению о множественности наименований как об особом виде словесной медитации, погружении в созерцание именуемого явления. Именно этот переход обусловил постепенное формирование такого приема витийственной стилистики, как цепочка эпитетов, который используется для погружения реципиента в состояние медленного чтения.

- В VIII в., в эпоху формирования корпуса богослужебных текстов, украшенный стиль проникает в гимнографию благодаря тому, что Иоанн Дамаскин и Феодор Студит, составляя Октоих и Триодь, активно заимствуют из проповедей классических ораторов христианства. Гимнография становится тем жанром, который навсегда остается связанным с украшенной стилистикой – в отличие от других жанров, которые с течением времени то воспринимали стиль «плетение словес», то отказывались от него.

- В X в., украшенный стиль развивается в сочинениях Симеона Нового Богослова, произведения которого активно переводились на славянские языки в период позднего средневековья, и они, несомненно, также оказывали влияние на славянских творцов этого стиля.

Первые образцы формирующейся орнаментальной прозы находим в литературе Киевской Руси, а именно – в произведениях Илариона Киевского и Кирилла Туровского. **(2.3. «Плетение словес» в литературе Киевской Руси)** Их произведения несомненно стоит относить к украшенному стилю, хотя «плетение словес» обычно связывается с гораздо более поздним периодом. Косвенным подтверждением того, что киеворусские проповедники вышли за пределы монументализма и создали новую стилистическую парадигму, является активное обращение авторов позднего Средневековья к проповедям ранних русских проповедников. Важнейшей чертой развивающегося стиля на этом этапе становится использование литургической гимнографии как литературного источника.

Оттолкнувшись от хронологической привязки к периоду позднего Средневековья и начав поиски «плетения словес» в более ранних произведениях, мы должны признать, что исследуемый стиль можно считать состоявшимся художественным явлением уже в XI в. В период монгольского нашествия его развитие прервалось на Руси, но продолжилось в других странах христианского востока. В частности, стиль активно развивался в афоно-сербской литературе. Вполне вероятно, что его возрождение на Руси в XIV–XV вв. во

многим обусловлено и тесными сербско-русскими связями, характерными для этого периода, как отмечают В. А. Мошин и М. Мулич. В работе подан обзор произведений позднего средневековья, русских, сербских и болгарских, которые содержат характерные для орнаментализма художественные приемы (**2.4. Стиль «плетение словес» в литературе позднего средневековья**): митрополита Киприана, Епифания Премудрого, Пахомия Логофета, Григория Цамблака, Доментиана и Феодосия Хиландарский, Саввы Сербского, Евфимия Тырновского, Григория Мниха и др.

Стиль «плетение словес» прошел долгую историю развития. Он взял за образец античные представления о толковании того или иного значения через множественность наименований, претерпел содержательные изменения в эпоху раннего Средневековья и лег в основу гимнографии. Из гимнографии украшенный стиль проник в проповедь, в частности, в ораторское красноречие Киевской Рси. С этого момента можно говорить о стиле «плетение словес» как о сформировавшемся художественном явлении нашей древней литературы. В позднем Средневековье «плетение словес» утвердилось как стиль житийных произведений, ставших популярными на всем Православном Востоке в XIV–XV вв. В конце XV в. и последующих эпохах наблюдается постепенное угасание стиля.

Главную роль в истории развития витийственного стиля играет корпус богослужебных текстов. Во-первых, он ощущается древним книжником как сакральный, и уподобление авторского текста богослужебному всегда воспринимается как положительный художественный прием. Во-вторых, усвоив себе украшенный стиль, гимнография сделала его неким образцом для подражания, стала постоянным источником «плетения словес», так что всякий автор, обращающийся к гимнографии как к источнику, необходимо обращается к «плетению словес». Таким образом, актуальнейшей задачей изучения истории одного из ведущих стилей древней литературы является изучение его взаимосвязи с гимнографическими текстами.

Глава 3 «“Чужое слово” в произведениях древнерусских книжников: виды и способы заимствования» посвящена рассмотрению тех видов заимствования, к которым прибегают наши средневековые авторы. Последовательно рассмотрены понятия цитаты, прямого и непрямого заимствования с указанием источника и без него, реминисценции и аллюзии и проанализированы различные контексты, в которых древнерусские авторы используют эти виды заимствований. Реминисценция и аллюзия – во многом схожие художественные приемы. Как правило, их различают как соответственно неосознанное и сознательное напоминание о другом тексте, введенное в оригинальное произведение. Говоря о древнерусской литературе, сложно с уверенностью утверждать, сознательно или неосознанно книжник делает то или иное заимствование. Но анализ множественности

этих заимствований, учет большого количества прямых цитат и референций, а также – скрытого подтекста произведения, открыть который позволяет именно рассмотрение аллюзий, позволяет нам отнестись к заимствованиям из богослужебных произведений как к осознанному художественному приему.

Каждый из случаев использования аллюзии в проповеди или житии нуждается в отдельном рассмотрении, в целостном анализе системы заимствований внутри конкретного текста, результаты которого мы предлагаем в четвертом разделе нашей работы.

Глава 4 «Влияние гимнографических произведений на древнерусскую агиографию и панегирики стиля «плетением словес» содержит последовательное рассмотрение и анализ многочисленных случаев богослужебных заимствований в житиях, похвальных словах и проповедях, написанных украшенным стилем.

Митрополит Иларион Киевский, автор «Слова о Законе и Благодати» активно использует богослужебные тексты в качестве литературного источника, впрочем, нельзя установить, сознательно или неосознанно. Влияние литургической гимнографии сказалось на композиции отдельных панегирических периодов этого произведения, использовании анафоры и эпифоры, цитировании великого прокимна «Кто Бог велий..» и тех псалтирных стихов, которые используются в богослужениях Пасхи и Вознесения (**4.1. Влияние богослужебных произведений на творчество митрополита Илариона Киевского**). Слово о Законе и Благодати может рассматриваться как литературный источник для авторов второго южнославянского влияния и как собственно произведение стиля «плетения словес». На наш взгляд, произведение одного из первых русских проповедников могло восприниматься позднейшими писателями как образец возвышенного стиля, и использованные им приемы заимствования из гимнографии, таким образом, должны были быть восприняты как обязательные для проповеди или иного произведения, написанного в особенно возвышенном стиле.

Заимствования из богослужебных произведений характерны и для некоторых агиографических произведений эпохи Киевской Руси, рассмотренных в этой главе (**4.2. Влияние гимнографии на жития монументального стиля**): Сказания о Борисе и Глебе, Чтения о Борисе и Глебе, Жития Михаила Тверского. Все три произведения перекликаются со стасными песнопениями, когда речь идет об биении и оплакивании погибших, в частности, со стихирой Страсной пятницы «Тебе, одеющагося светом, яко ризою» и другими гимнами Постной и Цветной триодей, что позволяет авторам не только уподобить мучеников Христу, но и усилить сострадательный и покаянный мотивы в произведениях.

Наиболее ярко влияние гимнографии отразилось на творчестве Кирилла Туровского (4.3. Гимнографические тексты в проповедях Кирилла Туровского). В диссертации рассмотрены все известные гомилетические произведения туровского проповедника, проанализированы практически все случаи богослужебных заимствований, которые в них встречаются. Произведения этого автора практически всегда тесно связаны с богослужением и полны аллюзий на него. Следует, тем не менее, констатировать, что практически каждая его гомилия демонстрирует какой-то особый метод использования гимнографических аллюзий.

Так, проповеди на Вербную неделю, Вознесение, Слово на собор святых отец отчасти наследуют композицию богослужения и предлагают реципиенту сначала проанализировать паремии, читаемые на вечерне соответствующего праздника, а затем прославить сам праздник. Это богословски насыщенные проповеди, обращающие внимание паствы на идею прообразовательности божественного Промысла.

Проповеди на Пасху и Вознесение, кроме того, наследуют у богослужения ритм коротких прославлений праздника, напоминающих антифонное пение на литургии. Они заимствуют из службы короткие стихи антифонов, прокимнов, аллилуариев, входного и составляют как бы мозаику из этих стихов.

Проповеди на Фомину неделю и на Неделю о расслабленном берут за основу всего одно песнопение соответствующей службы, и вся композиция этих слов выстраивается вокруг выбранных песнопений.

Слово на Фомину неделю, кроме того, является расширенным толкованием уставного чтения, положенного на этот день – Слова на обновление Григория Богослова. Это особенность проповеди представляется уникальной в контексте всех пасхального цикла проповедей Кирилла Туровского.

Наиболее «интертекстуальной» проповедью является Слово о снятии Тела Христова с Креста, поскольку в нем мы насчитали пять различных текстуальных уровней и четыре литературных источника. Это Слово теснее всего связано с песнопениями Великого поста и Страстной седмицы.

Наконец, менее всего связаны с богослужением проповеди на собор святых отец и о слепорожденном, однако, нельзя сказать, что они совершенно оторваны от чинопоследования соответствующих недель или Страстной седмицы. Каждое из этих слов так или иначе напоминает реципиентам о выслушанном богослужении.

Нам представляется вероятным, что, выбирая методы заимствования, Кирилл Туровский руководствовался, по крайней мере, двумя важными для него моментами. С одной стороны, он преследовал цель научить молящихся глубокому пониманию

праздника, усвоению главных догматов церкви и знаний об истории установления этих догматов, привить им способность видеть прообразовательность Ветхого Завета и узнавать из Евангелия учение о Христе, а также сострадать Распятому и Его Матери и всегда держать в уме Страсти Христовы. Иначе говоря, с одной стороны, дидактические цели Кирилла заставляли его постоянно обращаться к богослужению как к сокровищнице мудрости и как к литературному источнику. С другой стороны, Кирилл, несомненно, стремился к подражанию проповедникам древности: недаром он цитирует Иоанна Златоустого в Слове на Пасху и комментирует Григория Богослова в Слове на Фомину неделю и вообще подражает ему, как уже отмечалось выше. Это подражание могло привести Кирилла к мысли о необходимости богослужебных аллюзий в хорошей проповеди, поскольку многие слова Иоанна Златоустого, Григория Богослова и Василия Великого, а также Иоанна Дамаскина и Феодора Студита имеют общие с богослужением места. Отметив эту особенность, туровский проповедник унаследовал ее. Как мы уже отмечали, навряд ли ему было известно, что не проповедники наследуют богослужебные тексты, а сами тексты включают в себя наиболее известные проповеди раннехристианских риториков. В любом случае, «украшенный» стиль в произведениях ораторов Киевской Руси получил уникальную особенность – содержание аллюзий на богослужение, тесную связь с ним. Думается, именно с этого момента, с систематических отсылок к гимнографии и изобретения разных способов и методов этих отсылок, и начинается свое существование стиль «плетение словес».

Анализ южнославянских агиографических произведений приводит к выводу о том, что они также отражают влияние богослужебных текстов (**4.4. Гимнографические реминисценции в южнославянских агиографических произведениях позднего Средневековья**). Тексты Евфимия Тырновского, хотя и написаны в стиле «плетение словес», не содержат столь явных отсылок к богослужению, проповеди Иарiona Киевского, Кирилла Туровского или Григория Цамблака. Традиция цитирования богослужебных текстов в житиях развивалась значительно медленнее, чем в проповедях, которые генетически теснее связаны с гимнографией, чем жития. Проанализированное в диссертации Житие Ромила Пустыннжителя, написанное Григорием Мнихом, очень отличается от древнерусского «плетения словес»: этот агиограф, как правило, относительно сух и лаконичен в изложении, его повествование остросюжетно, содержит мало лирических отступлений. Автор цитирует только Евангелие и Лествицу Иоанна Синайского, причем, всякий раз это прямые цитаты с указанием источника. Произведения Тырновской книжной школы, вопреки распространенному мнению, не могут быть признаны образцом агиографической стилистики для писателей, творящих в стиле

«плетение словес». Возможно, тырновские жития повлияли на жанровые особенности позднесредневековых произведений, их композицию и особенности сюжетных зарисовок, но стилистически они очень далеки от творений как Епифания Премудрого, так и Григория Цамблака.

Намного ближе древнерусским авторам по стилистике и использованию гимнографии в качестве литературного источника хиландарские агиографы. В диссертации проанализировано несколько сербо-афонских произведений с точки зрения влияния богослужебных текстов. Страстные песнопения чаще всего избираются писателями для акцентирования внимания на наиболее важных моментах произведения. Если в анализированных нами житиях страстотерпцев это было связано с уподоблением мучеников Христу и их страданий – Его Страстям, и если в проповедях акцент на страстных песнопениях был обусловлен самой темой проповеди и временем ее произнесения, то в преподобнических житиях сербских авторов мы должны констатировать какое-то принципиально новое восприятие страстного гимна. Автор использует его для более тонкого и менее очевидного уподобления: преподобный, по его мысли, – это добровольный мученик, вся его жизнь подобна Страстной седмице. Важно, что эта параллель – монашеской жизни и Страстей, – проведенная при помощи аллюзий к страстным песнопениям внутри преподобнического жития, обнаруживается во многих позднейших произведениях этого жанра. Хиландарская агиографическая школа закрепляет за житийным жанром еще один литературный источник – ирмосы канонов, которые часто цитируются Доментианом Хиландарским, что позже будет усвоено Григорием Цамблаком и Епифанием Премудрым.

Агиографические произведения Епифания, рассмотренные в диссертации, свидетельствуют о сознательном и последовательном использовании автором приема богослужебных заимствований (**4.5. Богослужебные тексты в творчестве Епифания Премудрого**). Агиограф виртуозно выстраивает цепочки цитат из ирмосов, наполняет житие аллюзиями на Триодь или использует синтаксические конструкции, которые мы условно обозначаем как «акафистные» по внешнему сходству композиции. Это способствует созданию особенного, молитвенного настроения в произведении и говорит о высочайшем мастерстве Епифания.

В Житии Стефана Пермского гимнографические параллели играют важную роль, автор очевидно наследует Кириллу Туровскому в методе использования богослужебных произведений в качестве литературного источника: помимо усвоенных от киеворусской традиции методов привлечения литургических текстов, Епифаний изобретает собственные, уникальные художественные способы введения богослужебных

произведений в житие. Он создает мозаики цитат, учитывает музыкальные особенности некоторых гимнов, усекает цитату, вынося одно – важнейшее – слово за пределы цитируемого и удерживая тем самым напряжение реципиента, создавая особый подтекст и соотнося житие с определенными богослужениями.

Несколько иным с точки зрения гимнографических параллелей предстает перед нами второе произведение Епифания Премудрого – Житие Сергия Радонежского. Думается, его стилистические отличия от Жития Стефана Пермского связаны с позднейшей переработкой текста Пахомием Логофетом. Но это лишь предположения, даже первые главы сергиевого Жития, написанные Епифанием, стилистически отличны от Жития Стефана Пермского – это совсем иное произведение, и гимнографических параллелей в нем значительно меньше, чем в Житии Стефана. Возможно, они были убраны позднейшим редактором, а возможно, сам Епифаний со временем отступил от этой стилистической манеры и создал более спокойный и размеренный текст, более напоминающий исихастские жития греческих авторов, писателей Тырновской школы или, ближе, афоно-сербские произведения, чем киеворусские проповеди.

Григорий Цамблак также активно использует в качестве литературного источника произведения литургической гимнографии. В диссертации рассмотрены его проповеди и жития, проанализированы случаи цитирований, аллюзий и реминисценций из богослужебных текстов (**4.6. Произведения Григория Цамблака и гимнографические тексты: аллюзии и реминисценции**). Этот автор практически возрождает ту традицию проповедничества, которую заложили Иларион Киевский и, особенно, Кирилл Туровский. Григорий Цамблак намеренно изучил лучшие образцы киеворусской проповеди, чтобы повторить их методику в собственных произведениях, что и обусловило необыкновенную для средневековья популярность проповедей Цамблака, засвидетельствованную множеством дошедших до нас их списков.

Привлекает внимание использование ирмосов канонов в проповедях Григория: обычно он цитирует ирмосы первой, седьмой и восьмой песней, как бы отсылая читателя к трипеснцам Постной триоди, что роднит его произведениями с текстами Епифания Премудрого, столь обильно цитировавшего Триодь. В проповеди об Илиии-пророке Цамблак использует тот же прием, что и Кирилл Туровский в Слово о расслабленном: амплификацию, которая значительно расширяет реминисценцию из одной богослужебной стихиры. Эта амплификация является центральной в проповеди и составляет главное ее художественное украшение.

В проповеди на Страстную пятницу Цамблак также наследует туровскому проповеднику, используя канон из пятничного повечерия в качестве источника, а также стихиру «Тебе, одеющегося светом, яко ризою».

В проповеди на Вербное воскресенье этот автор выстраивает параллельную храмовой службе композицию произведения, в чем он также очень похож на Кирилла Туровского. Тут же Цамблак уделяет особенное внимание идеям исполнения пророчеств, как это делал и Кирилл, и сострадания, что вообще характерно для страстных песнопений и, следовательно, для нашей средневековой литературы, использующей их в качестве литературного источника.

Четвертая глава диссертации завершена коротким обзором средневековых и барочных произведений, которые также в некоторых случаях прибегают к заимствованиям из богослужебной литературы, но не сохраняют тех традиций, которые были заложены киеворусскими авторами, развиты в сербо-афонской литературы и достигли расцвета в творчестве Цамблака и Епифания Премудрого. Здесь рассмотрены некоторые отрывки из сочинений Пахомия Логофета, Ермолая Еразма, Иоанна Вышенского, Паисия Величковского. Гимнография и в более поздней литературе, после того как орнаментальный стиль отошел в прошлое, являлась литературным источником для авторов, создающих церковные произведения, хотя у них уже нельзя наблюдать столь тонкого понимания богослужебной поэтики и столь смелого ее воплощения в творчестве. Позднейшие авторы уже не создают явного богослужебного подтекста, как творцы «украшенного» стиля, их заимствования проще и прозрачнее. Ирмосы и тропари канонов совершенно перестают быть источниками для произведений XVI–XVIII вв., авторы цитируют лишь Псалтирь в ее богослужебном исполнении, то есть прокимны, Евангелие и некоторые связанные с темой повествования стихиры. Думается, увядание стиля «плетение словес» связано отчасти с уменьшающимся интересом писателей к богослужебным текстам: прекращается постоянная ориентация на них, столь характерная для Средневековья.

Глава 5 «Обращенность к богослужебным книгам как писательский метод» является заключительной и представляет собой обзор тех богослужебных книг, которые использовались древнерусскими авторами для заимствований, поданный в очередности, которая соответствует частотности обращения авторов ко книге. Здесь соответственно рассмотрены особенности заимствования из Иромология, Троида, Октоиха, Минеи, Часослова, Требника, Службника и, наконец, Синаксаря. Главную роль при выборе древнерусским автором того или иного богослужебного текста в качестве источника играет значимость определенных произведений, то есть чаще цитируются те гимны,

которые содержат наиболее важные для средневекового христианина идеи, а именно: идею сострадания, уподобления Христу через преодоление смерти и идею прообразования.

Кроме того, причина частого использования богослужебных текстов как литературного источника – в их запоминаемости: чем более запоминаемым и узнаваемым является текст, тем чаще к нему обращаются проповедники и агиографы; а это, в свою очередь, зависит от того, как часто и по какому поводу тот или иной текст звучит во время богослужения и какое чинопоследование по ассоциации возникает в восприятии читателя, когда он узнает аллюзию на богослужение внутри жития или проповеди.

Сложная система православного богослужебного устава породила не менее сложную систему ассоциаций, и вместе с ними – заимствований, поэтому о каждом из них нам приходилось говорить отдельно в предыдущих главах. Анализ поэтического влияния гимнографии на жития и проповеди позволяет нам сгруппировать выявленные заимствования по их источнику – богослужебным книгам. Это ставит нас перед необходимостью охарактеризовать названные книги, сопоставить их тексты с указаниями Типикона об исполнении литургийных чтений и песнопений в богослужебном годовом кругу. Отчасти необходимо вспомнить и об истории составления и перевода на славянский язык той или иной богослужебной книги, поскольку это также имеет значение для формирования древнерусских литературных традиций.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования и проводится мысль о том, что частое обращение книжников к богослужебным произведениям обусловлено несколькими факторами. Во-первых, устоявшейся, хорошо знакомой и писателю, и реципиенту традицией молитвенной практики, календарного богослужебного круга и церковных чинопоследований. Во-вторых, поэтичными характеристиками гимнографических текстов, их запоминаемостью и четкой календарной приуроченностью большинства из них. В-третьих, особенностями мировоззрения древнерусского писателя: художественный стиль средневекового автора находился в непосредственной зависимости от его мировоззренческих установок, которые, в свою очередь, формировались под прямым воздействием богослужебных текстов. Этим, на наш взгляд, объясняется сосредоточенность агиографов и проповедников на трех идеях, акцентированных в богослужебной литературе: прообразовательности, сострадания и преодоления смерти через уподобление Христу.

Говоря об использовании гимнографических текстов как об отдельном приеме, который характерен для поэтики «украшенного» стиля, мы утверждаем, что средневековый писатель осознавал его как троп – то есть, если следовать

литературоведческому определению, мы имеем дело не просто с влиянием одних текстов на другие, а с заимствованием – осознанным внесением в произведение цитат, реминисценций и аллюзий. Средневековый автор делал это так, как современный поэт вводит в текст метафору или эпитет для создания выразительности. Вполне вероятно, что древнерусские проповедники и агиографы постепенно приближались к осознанию этого тропа, также как постепенно они шли к пониманию стиля «плетения словес», восприятию его как некоего поэтического и мировоззренческого феномена. Отсутствие богослужебных заимствований в некоторых произведениях орнаментальной прозы свидетельствует о том, что использование гимнографии в качестве литературного источника не было обязательным признаком стиля «плетения словес».

Традиционно соотносимый с периодом второго южнославянского влияния, «украшенный» стиль зародился намного раньше этого периода. Все его художественные признаки обнаруживаются в проповеднических произведениях митрополита Илариона и Кирилла Туровского, то есть еще в литературе Киевской Руси, встречаются в житийных произведениях южных славян XIII в., расцветают в восточнославянских агиографии и эпидектике позднего Средневековья и постепенно исчезают к концу XV в.

Гимнографические заимствования, используемые в эпидейктике, обусловили исключительную поэтичность Слова о Законе и Благодати митрополита Илариона. Вероятно, этот автор интуитивно следует поэтике богослужебных произведений, потому его заимствования дискретны, как бы случайны. Митрополит Иларион скорее *уподобляет* «Слово о Законе и Благодати» богослужебным текстам на синтаксическом, метафорическом и ритмическом уровнях, чем *цитирует* гимнографию или вводит в текст реминисценции или аллюзии к богослужебным текстам. Этим объясняется невероятно большое количество коротких и фрагментарных богослужебных цитат и реминисценций в его произведении, не имеющих между собой логической связи, не складывающихся в какой-то богослужебный подтекст, но позволяющих говорить о гимнографических интонациях в его произведении, о наличии богослужебных мотивов в нем.

Точно так и авторы некоторых житий монументального стиля используют страстные песнопения в качестве литературного источника для описания смерти главного героя и его оплакивания. Ориентация на богослужение здесь обусловлена передачей одной из главных христианских идей – идеи преодоления смерти воскресением. Гимнографические заимствования в этих произведениях связаны с цитированием Требника, евангельских и апостольских чтений и страстной стихиры «Тебе, одеющагося светом, яко ризою» – фрагментов богослужения, которые хорошо запоминаются. На наш взгляд, метод заимствования в этих произведениях еще только зарождается и не

осознается как троп.

Намного ближе к осмыслению этого приема подходит Кирилл Туровский. Влияние гимнографии на его проповеди можно проследить на нескольких уровнях: стилистическом (Слово о снятии тела Христова с Креста), композиционном (Слово в неделю Цветную, Слово на Пасху, Слово на Вознесение), метафорическом (Слово на вторую неделю по Пасхе), идейном (Слово о расслабленном, Слово о снятии тела Христова с Креста). Проповедник апеллирует к гимнографии не интуитивно, а вполне сознательно – там, где считает это нужным, и так, как считает это необходимым для лучшего понимания праздника молящимися. В этом принципиальное отличие Кирилла Туровского от предшественников, в частности, от Илариона Киевского: у туровского проповедника очевидна сосредоточенность на празднике и, как следствие, – на службе празднику. Богослужение, и особенно стихиры как наиболее поэтическая его часть, воспринимаются им как главный источник художественных средств для проповеди. Кроме того, этот писатель наследует великим риторам древности – Иоанну Златоустому, Григорию Богослову, Василию Великому, Ефрему Сирину – и не может не замечать, как часто их проповеди перекликаются с богослужением. Вряд ли история богослужения в те века была достаточно изучена, чтобы он мог понимать, где здесь источник, а где – заимствование, но стремление к подражанию, вероятно, обуславливает его особое внимание к гимнографии.

Григорий Цамблак, на наш взгляд, еще более отчетливо осознает аллюзию на богослужебный текст как писательский прием. Этот автор, сознательно стремясь к возрождению киеворусских литературных традиций в проповеди, наследует введение в текст молитвенных интонаций как главный художественный метод Кирилла Туровского. Использование богослужебных текстов как литературного источника у Цамблака представляется особенно примечательным, поскольку этот автор творит вне своей национальной традиции, он гоним, преследуем, он борется за влияние на народ – и достигает необыкновенной популярности как проповедник. Думается, именно в его произведениях реминисценции к церковному чинопоследованию достигли уровня художественного тропа. Григорий Цамблак расширяет и круг литературных источников: в отличие от других авторов, он использует Минею, в том числе обычную богослужебную месячную, а не только праздничную, чего ранее в проповедях и житиях не наблюдалось. Использует Цамблак и Синаксарь, в чем сказывается, возможно, его наследование традиций Кирилла Туровского. У Цамблака особенное значение имеют аллюзии на Ирмологий и Триодь: он настойчиво цитирует ирмосы первой, седьмой и восьмой песней канона – тех, что характерны для трипеснцев, а значит – Триоди.

Одновременно с Цамблаком исследуемым писательским приемом овладевает Епифаний Премудрый. Этот автор находится внутри национальной литературной традиции: он, несомненно, тоже наследует и Илариону Киевскому, и Кириллу Туровскому, а также болгарским и сербским агиографам, с творчеством которых он знаком. Но, в отличие от Цамблака, он, думается, не пытается уподоблять свои тексты проповедям и житиям ранних авторов – он разрабатывает метод, условно называемый нами методом *гимнографического заимствования*, перенося его из жанра проповеди, где прием был обусловлен некоторым родством с гимнографией, в жанр жития. В творчестве Епифания исследуемый метод переживает расцвет. Агиограф не просто осознанно заимствует из гимнографии, но делает это виртуозно: составляет мозаики цитат, использует числовую акафистную символику, уделяет внимание музыкальной прикреплённости отдельных текстов к певческим гласам, последовательно выстраивает аллюзии на ту или иную церковную службу или на тот или иной месяц в церковном богослужебном календаре – иными словами, использует всё богатство свойственных богослужению параллелизма, ассоциативности, экспрессивности, медитативности и музыкальности.

Рассмотренные нами случаи влияния гимнографических текстов на агиографию и эпидейктику стиля «плетение словес» позволяют выделить те богослужебные книги, к которым средневековые авторы обращались чаще всего. Можно сказать, что в центре поэтического внимания древнерусских книжников находятся две из них: Иромологий и Триодь. Первая – поскольку посвящена идее прообразовательности и совершения предсказаний, «образов сбытию», которая столь важна для средневекового человека. Триодь – в силу своей сосредоточенности на идеях сострадания и преодоления смерти. Реминисценции к другим книгам всегда оказываются так или иначе связаны то с ирмосами, то с Триодью. И Октоих, и Часослов, и Праздничная минея, и Требник содержат отсылки к триодным песнопениям – если говорить о тех фрагментах книг, к которым апеллируют книжники. Даже найденные нами заимствования из Синаксаря отсылают реципиента к триодному циклу. Исключение составляют реминисценции к Минее, но, как мы уже говорили, апелляция к ним вообще является уникальной чертой произведений Григория Цамблака, как и аллюзия на Служебник у Епифания – эти случаи мы рассматриваем как исключения из правил.

Результатом влияния богослужебных произведений на гомилетику и агиографию стиля «плетение словес» является эффект «просвечивания», «мерцания» литургического текста сквозь ткань проповеди или жития. Он достигается при помощи различных художественных приемов, генетически связанных с гимнографией: композиционного

уподобления богослужебному чинопоследованию, использованию характерных для богослужения синтаксических конструкций, чаще всего – акафистных; насыщению оригинального текста характерными для гимнографии тропами: повторами, антитезами; соблюдением принципа уподобления. Таким образом, аллюзия на богослужения становится одной из важнейших черт «украшенного стиля».

Епифаний Премудрый вывел этот прием за пределы жанра проповеди. Жанр жития не так тесно связан с храмовым действием, особенно если принять во внимание столь протяженные произведения, какие создавал Епифаний. Житие предполагает уединенное келейное чтение, неспешное, углубленное, оно не столь «церемониально», как проповедь. Думается, этим объясняется столь скорое «угасание» влияния богослужебных текстов на агиографию: уже в произведениях Пахомия Логофета аллюзии на богослужение практически не встречаются. Вместе с исчезновением этого приема постепенно угасает и сам стиль «плетение словес», который в произведениях последователей Епифания Премудрого и Григория Цамблака становится все более искусственным и связанным не с аллюзией, ассоциациями и «просвечиванием», а с участвующим использованием общих мест, так называемых «топосов».

Исследование приема аллюзии на богослужение, который мы с определенной долей условности иногда называем *гимнографическим заимствованием*, позволяет по-новому взглянуть на стиль «плетение словес» и писательский метод творцов этого стиля. Богослужебный текст в Средневековье предстает перед нами тем самым наиболее доступным и естественным литературным источником, неиссякаемым и хорошо запоминающимся, который формирует основные законы поэтического синтаксиса, ритмики, метафорики, начатков метафоры и символики нашей древней литературы. Литургические произведения, несомненно, являются и источником богословских знаний для средневекового человека, а потому влияют на актуализацию трех важнейших мировоззренческих христианских принципов – прообразовательности, сострадания и преодоления смерти – в проповедях и житиях позднего Средневековья.

Работы, опубликованные по теме диссертации

В рецензируемых научных изданиях:

1. *Шумило С. М.* Концепт «святость» в картине мира Епифания Премудрого // Омский научный вестник. 2006. № 6 (42), сентябрь. С. 28–31.

2. *Шумило С. М.* Литературные источники и роль амплификации в агиографии Епифания Премудрого // Омский научный вестник. 2006. № 6 (42), сентябрь. С. 125–128.
3. *Шумило С. М.* Богослужебные заимствования в проповеди Кирилла Туровского на вторую неделю по Пасхе // Русская литература. СПб.: Пушкинский дом, 2011. № 2. С. 26–31.
4. *Shumilo S.* The system of divine service quotations in the Life of Stephen of Perm // *Scrinium: Journal of Patrology, Critical Hagiography and Ecclesiastical History.* Piscataway, New Jersey: Gorgias Press, 2011–2012. Т. 7–8. Р. 196–216.
5. *Шумило С. М.* Музыкальный подтекст древнерусской агиографии: к постановке проблемы // Труды отдела древнерусской литературы. СПб.: Пушкинский дом, 2015. Т. 63. С. 262–271.
6. *Шумило С. М.* Идеи исихазма в древнерусских литературных памятниках (творчество Епифания Премудрого) // Известия Российской академии наук. Серия «Язык и литература». М., 2015. Т. 74. № 5. С. 22–37.
7. *Шумило С. М.* Богослужебные песнопения в «Слове о расслабленном» Кирилла Туровского // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М: Индрик, 2016. Вып. 4. С. 105–115.
8. *Шумило С. М.* Молитвенные тексты в агиографии «плетения словес»: к вопросу стиля эпохи // Русская литература. СПб.: Пушкинский дом, 2016. Вып. 3. С. 50–69.
9. *Шумило С. М.* Богослужебные тексты как литературный источник средневековой проповеди: поучения Григория Цамблака // Русская литература. СПб.: Пушкинский дом, 2017. Вып. 3. С. 158–165.
10. *Шумило С. М.* Богослужебные тексты как литературный источник житийной литературы о Борисе и Глебе // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 3 (16). С. 117–121.
11. *Шумило С. М.* Образ Богородицы в древнерусской литературе (на материале торжественных слов Кирилла Туровского) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. № 3 (20). С. 116–122.
12. *Шумило С. М.* Литературные источники Слова на Фомину неделю Кирилла Туровского // Русская литература. СПб.: Пушкинский дом, 2019. Вып. 2. С. 26–31.
13. *Шумило С. М.* Парадокс как художественное средство в стиле «плетение словес» (на примере Жития Сергия Радонежского) // *Rocznik teologiczny.* Warszawa, 2019. S. 67–84.
14. *Шумило С. М.* Виды и способы заимствования из гимнографии в произведениях стиля «плетение словес» // *Rocznik teologiczny.* Warszawa, 2021. № 1. С. 895–925.

15. *Шумило С. М.* Повтор как художественный прием в литературе стиля «плетение словес»: к вопросу о заимствовании гимнографических тропов // Вестник Петрозаводского университета. 2021. № 3 (43). С. 92–101.

В других изданиях:

Сборник статей

16. *Шумило С. М.* Поэтика церковной прозы: Збірник статей з літературознавства (ХІ–ХХ ст.). Чернігів: Вера и жизнь, 2014. - 216 с.

Статьи:

17. *Авласович (Шумило) С. М.* Поэтика повторов у Епифания Премудрого (на материале Жития Сергия Радонежского) // Святоотеческие традиции в русской литературе. Сборник научных трудов. Омск: Омский государственный университет, 2005. Ч. 1. С. 24–30.
18. *Авласович (Шумило) С. М.* Принцип подобия в древнерусской музыкальной культуре и агиографии // Древнерусское духовное наследие в Сибири: научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России (1965–2005). Новосибирск, 2008. Т. 1. С. 487–494.
19. *Шумило С. М.* Исихастское учение в культуре Киевской Руси: переводные произведения Ефрема Сирина и особенности их восприятия // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету імені Т. Г. Шевченка. Серія: філософські науки: зб. наук. праць. Чернігів: ЧДПУ, 2009. № 66. 136–142.
20. *Шумило С. М.* Ирмосы канонов как литературный источник в Житии Стефана Пермского // Святоотеческие традиции в русской литературе. Сборник научных трудов. Омск: Омский государственный университет, 2009. Ч. 1. С. 159–166.
21. *Шумило С.* Источники стиля в ораторском красноречии Киевской Руси (на материале торжественных слов Кирилла Туровского) // Східнослов'янська філологія: Збірник наукових праць. Горлівка: Видавництво ГДПМ, 2009. Вип. 14: Літературознавство. С. 119–124.
22. *Шумило С. М.* Оповідання про Миколу Святошу у Києво-Печерському патерику: досвід прочитання // Київська старовина. 2012. № 3. С. 3–8.
23. *Шумило С. М.* Влияние афонской практики непрестанной молитвы на некоторые стилистические особенности агиографии Епифания Премудрого // Афон и славянский мир. Материалы международной научной конференции, посвященной 1000-летию присутствия русских на Святой Горе (Белград, 16–18 мая 2013 г.). Святая Гора Афон: Издание Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, 2014. Сб. 1. С. 81–89.
24. *Шумило С. М.* Акафистные конструкции в Житии Сергия Радонежского // Преподобный Сергий Радонежский: история и агиография, иконописный образ и монастырские традиции. Материалы международной научной конференции

- (Государственный исторический музей, 27–28 мая 2014 г.). М., 2015. (Труды ГИМ. Вып. 202). С. 135–141.
25. *Шумило С. М.* Запозичення з богослужбових текстів у проповідях Кирила Туровського (на прикладі проповіді на Великдень) // Преподобний Нестор Печерський в історії української культури. Харків: Акта, 2014. С. 106–113.
 26. *Шумило С. М.* Богослужбові піснеспіви в «Слові на неділю Квітну» Кирила Туровського // Мандруючи світами та віками: збірник на пошану Юрія Пелешенка. Київ-Дрогобич, 2016. С. 87–93.
 27. *Шумило С. М.* Духовный стих «Плач Иосифа Прекрасного» и его сирийский литературный источник // Труды отдела древнерусской литературы. СПб.: Пушкинский дом, 2016. Т. 64. С. 602–607.
 28. *Шумило С. М.* Богослужбные заимствования в творчестве Кирилла Туровского (тезисы) // Пятое Лихачевские чтения: Русская культура: история и экология. Материалы Международной научной конференции (Ясная Поляна, 28 сентября – 1 октября 2016 г.). Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2016. С. 118–132.
 29. *Шумило С. М.* Традиции афонской литературы в творчестве митрополита Григория Цамблака // Афон и славянский мир. Материалы международной научной конференции, посвященной 1000-летию присутствия русских на Святой Горе (Київ, 21–23 мая 2015 г.). Святая Гора Афон: Издание Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, 2016. Сб. 3. С. 291–298.
 30. *Шумило С. М.* Влияние литургической гимнографии на творчество Кирилла Туровского // Труды отдела древнерусской литературы. СПб.: Пушкинский дом, 2017. Т. 65. С. 252–264.
 31. *Шумило С. М.* Триодь как литературный источник Жития Стефана Пермского // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2017. Т. III. С. 35–45.
 32. *Шумило С. М.* Заимствования из богослужбных текстов в проповедях Григория Цамблака // Цамблакови чтения. 600 години от избирането на Григорий Цамблак за митрополит Киевски и Литовски, 15–17 ноември 2015 г.). Велико Търново: Университетско издателство «Св. св. Кирил и Методий», 2019. С. 31–42.
 33. *Шумило С. М.* С. А. Демченкова «Последний из великих пророков (библейская пророческая традиция в «Житии» Протопопа Аввакума)». [Рец.] // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2019. № 1 (22). С. 54–56.
 34. *Шумило С. М.* Григорій Цамблак як антагоніст митрополита Фотія Київського та спадкоємець киеворуських літературних традицій // Сіверянський літопис. 2020. № 5. С. 106–117.
 35. *Шумило С.* «Слово про закон і благодать» митрополита Іларіона Київського як твір стилю «плетіння слів» // Літературознавчий дискурс від бароко до постмодерну: Колективна монографія. Київ–Люблін–Харків: Майдан, 2020. С. 29–41.

36. Шуміло С. М. Ампліфікація в літургійній гімнографії та стилі «плетіння слів»: до питання про богослужбові джерела // Сіверянський літопис. 2021. № 1. С. 146–161.
37. Шуміло С. М. Художній стиль давньоруського книжника: теоретичний аспект // Сіверянський літопис. 2021. № 2. С. 68–74.
38. Шуміло С. М. Категорія часу у світобаченні середньовічної людини: вплив мовної картини світу на морфологію дієслова // Сіверянський літопис. 2021. № 3. С. 124–129.
39. Шуміло С. М. Уподібнення в православному богослужінні та агіографії як один із видів запозичення художнього принципу // Сіверянський літопис. 2021. № 4. С. 120–129.
40. Шуміло С. М. Ідеї ісихазму в літературі пізнього середньовіччя // Сіверянський літопис. 2021. № 6. С. 89–107.

Статті, сданні в печать

41. Шуміло С. М. Прикрашений стиль у греко-сирійській християнській літературі IV–X ст. // Сходознавство. 2022. № 1. – Сдано в печать.
42. Митрополит Кипріян. Житіє митрополита Київського Петра (1260–1326) / переклад українською мовою С. М. Шуміло // Сіверянський літопис. 2022. № 1. – Сдано в печать.